НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО БИОГРАФИИ АКОПА ДЖУГАЕЦИ

И. Р. ДРАМПЯН

Имя Акопа Джугаеци было выявлено в сороковых годах нашего века. Сначала он фигурировал как «некий Акоп Джугаеци», в дальнейшем, с открытием новых рукописей, художественное лицо его стало определенным, а творчество,—дополняющим наше общее представление о всем развитии армянской книжной живописи. Дело в том, что деятельность Акопа Джугаеци падает на тот период истории армянской миниатюры, когда она начинает клониться к упадку. И тут-то, когда, казалось, она способна в лучшем случае на перепевы старых мотивов, является мастер, раскрывший новую грань ее возможностей, поднявший ее в последний раз на былой уровень.

Хотя Акоп Джугаеци жил в конце XVI—начале XVII вв., времени сравнительно близком нам, но сведения о нем довольно ограничены.

Акоп Джугаеци родился в городе Джуге на Араксе. Недалеко от современного пограничного пункта Джульфы (на территории Нахичеванской автономной республики), на левом берегу Аракса находятся руины некогда богатого и цветущего города. Теперь трудно поверить, глядя на эти жалкие развалины и на узкое ущелье между скалистыми горами, в котором они заключены, что когда-то здесь и в самом деле был большой и богатый город, каким была Джуга до ее разорения.

И тем не менее в этой негостеприимной, дикой, почти неприступной местности размещался город с двенадцатитысячным,—большим по тем временам,—населением. И показательно, что жили в этом городе почти исключительно купцы—«ходжа». Причиной такого всеобщего обращения джугинцев к торговле явилось как отсутствие благоприятных для сельского хозяйства условий, так и наличие торгового пути из Ирана на Запад, проходящего через Джугу; а также—предрасположение жителей города (как предполагают, в свое время переселенцев из Ани) к этому виду деятельности.

В период бесчисленных ирано-турецких войн Джуга неоднократно переходила из одних рук в другие. В этих тяжелых условиях джугинские ходжа доказали, что обладают не только купеческим даром, но и умением создавать в этой варварской обстановке благоприятные условия для своей жизни и деятельности. Удавалось им это путем выкупа, и, хотя этот способ и был обоюдоострым мечом (который в начале XVII в. обернулся против самих джугинцев), однако это был единственный путь, который мог обеспечить жителям Джуги относительное спокойствие.

В большой семье одного из жителей этого города ходжа Вали (около середины XVI века) родился Акоп, именующий себя в рукописях Джугаеци, по имени своего родного города. Сам Акоп купцом не стал, а избрал для себя духовную деятельность. В ранних рукописях он называет себя дьяконом, а начиная с 1607 года—переем.

Во второй половине XVI века в Джуге несомненно работали местные мастера—резчики по камню. Об этом свидетельствует кладбище с огромным количеством надгробий, сохранившееся до наших дней. Кладбище это,—начиная от ранних скромных, почти не украшенных плит и кончая поздними пышными хачкарами, сплошь покрытыми сложными орнаментальными переплетениями, включающими и сюжетные изображения,—является своеобразным свидетельством постепенного возвышения Джуги.

Возможно, были здесь и мастера-живописцы, расписывавшие орнаментами интерьеры домов богатых джюльфинских купцов; но миниатюристов, по-видимому, не было. Старая Джуга почти не встречается в памятных записях как место исполнения рукописей. Тот факт, что наш мастер учится искусству книжной живописи у лимского епископа, дает возможность сделать предположение, что в Джуге он не мог найти себе учителя.

Мы не имеем достоверных сведений, но полагаем, что обучение это происходило в Лимском монастыре, где жил его учитель. Лим—самый большой и обширный остров на озере Ван, находящийся в его северо-восточной части. Упоминания об этом острове и о его монастыре впервые встречаются в рукописях, начиная с XIV века.

Сколько времени провел Акоп в этой обители—неизвестно. Рукописей его самого раннего периода у нас нет и лишь в более поздних записях мы читаем упоминания об учителе—епископе Захарии из Лима, о художественном даровании которого он отзывается в самых восторженных тонах¹.

Судя по этим записям, Акоп не был единственным учеником у Захарии и, по всей вероятности, здесь, при Лимском монастыре, епископом была организована целая мастерская.

Акоп Джугаеци пишет, что учитель его был очень талантливым миниатюристом и искусным каллиграфом и что уменье это он передал своим ученикам.

Епископ Захария Гнуянц (или Лимец) не был безвестной фигурой в армянской истории XVI века. Писец, художник и поэт, он происходил из знаменитого феодального рода Прсхянов². Родился во второй

¹ Рукопись 1585 года № 9691 Матенадарана (стр. 271—273); рукопись 1586 года, частное собр., Париж (см. *Սյունիքի և Մայր սուրբի հայերեն ձեռագրային գրողների մասնագիր հայտնությունների, Փարիզ, 1850, «Արարատ», 1905 թ., էջ 727—728*; рукопись 1587 года № 20, John Rylands Library, Манчестер (микрофильм № 388 Матенадарана), см. *Սյունիքի և Մայր սուրբի*.

² Հ. Ներսես Ակիբյան, *Զարթիւ եպիսկոպոս Գնունեանց և իւր տաղերը, Վիեննա, 1910, Գարեգին արքեպիսկոպոս Հովսեփյան, Խաղրակյանը կամ Պոռոշյանը հայոց պատմության մեջ. Վաղարշապատ, 1928, մասն առաջին, էջ 240—247, Համադասարանի*

половине XV века, учился у выдающегося поэта XV века Григория Ахтамарского в том же Лиме. Долгие годы провел в странствиях, был в Константинополе и Риме. Именно в это время он переписывает экземпляры Псевдо-Каллисфена, украшает их миниатюрами и добавляет свои «кафы»—стихи. Епископ Захария был, безусловно, образованным для своего времени человеком и общение с ним должно было быть полезным для молодого Акопа.

В 1585 году мы застаем Джугаеци в Карине³, крупном узловом центре, стоящем на стыке торговых дорог. Акоп приехал сюда с намерением продать рукописи и поехать затем в Константинополь. Однако здесь он встречает некоего иерея Аствацатура, уговорившего Акопа поехать с ним в город Кегн, чтобы обучить книжной живописи его брата. Акоп возвращается в Джугу лишь в 1587 году. В рукописи, написанной здесь, мастер жалуется на тяжелое время, на притеснения армян непомерными податями⁴.

В 1592 году Акоп Джугаеци работает в деревне Аванц, на берегу Вана, недалеко от города Ван и имеет здесь двух учеников—дьяка Мкртича и тер-Маркара⁵.

В 1605 году Акоп снова в Джуге, где становится очевидцем трагических событий, обрушившихся на его родной город⁶.

Во второй половине XVI века в ирано-турецких войнах сложилась благоприятная обстановка для турецкой стороны. Пользуясь борьбой сефевидов с различными группировками за шахский престол, турки объявили войну Ирану и начали наступление на Тавриз и Закавказье. Армения была сильно разорена; торговля прекратилась, начались неурядицы и голод. Растет недовольство, и страна, в которой и раньше наблюдалась иранская ориентация, обусловленная антитурецкими настроениями, ждала лишь сигнала, чтобы изгнать турок со своих земель. Таким сигналом было воцарение в Иране энергичного молодого шаха Аббаса I, который в 1603 году двинул свои войска в сторону Тавриза.

Хотя сведений о положении джугаеци купцов во время турецкого владычества имеется немного, надо полагать, что оно было относительно благополучным, ибо, как уже говорилось, джугаеци путем подкупа удавалось сохранить привилегированное положение. Но и они страдали от турецких властей, тем более, что последние отрывали их от главной торговой базы—Ирана.

Узнав о приближении персидских войск, джугаеци перебили турецкий гарнизон и встретили со всевозможными почестями шаха Аб-

1 Վ. Վաստուրյան-Վանի վանքերը, Վիեննա, Միլիթարիան տպարան, 1940, Ա ճառ էջ 16—10.
2 Ա ճ ա ղ ա ն, Հայոց անձնանունների բառարան

3 Указ. рукописи № 9691 Матенадарана и 1586 года.

4 Рукопись 1587 года, Манчестер.

5 Рукопись 1592 года, № 3424 Иерусалима (бывш. собрание Севаджяна № 11); см. F. Macler, Documents d'art arméniens, Paris, 1924.

6 Рукопись 1607 года № 8 церкви сурб Саркис в Новой Джульфе; см. С. В. Тер-Лветисян, Город Джуга, Материалы по истории торговых сношении джугаеци купцов XV—XVII вв., 1937, стр. 76—78.

баса. Прием этот подробно описан у историка XVII века Аракела Даврижеци⁷.

Аббасу удалось взять Ереван, но, двинувшись к Карсу, он узнает о приближении турок и начинает отступать в сторону Джуги, где была наиболее удобная переправа через Аракс. Отступая, он приказывает выселить все население ереванского района и гнать его на иранский берег Аракса. Перевозочных средств было мало. «Прибыв к реке Араксу, несчастное население перед собой имело реку, которая все уносила и поглощала в своих водах, а сзади—персиян, которые мечом все истребляли, и не было никакого спасения. Не умеющие же плавать, а также слабосильные, старики, молодые девушки и дети погибали. Персидские войска, пользуясь этой суматохой, под видом помощи занялись хищением женщин и девушек»⁸.

Если население ереванского района выселялось в стратегических целях,— чтобы образовать пустыню, по которой будут продвигаться турки, то выселяя жителей Джуги, шах преследовал и еще одну, более важную для себя экономическую цель— овладеть джюльфинским капиталом и вовлечь армянских купцов в экономику своей страны. Шах повелел джюльфинцам выселиться в трехдневный срок под страхом казни и конфискации имущества. Окрестное мусульманское население входило в юма джюльфинцев, будто с целью поторопить их, а на деле занималось грабежом их имущества.

После того, как джюльфинцы перешли Аракс, Аббас приказал сжечь город. Этот пожар описан Акопом в памятной записи, упомянутой выше рукописи 1607 года, хранящейся в Новой Джульфе, в церкви сурб-Саркиса: «Какой горький плач раздавался среди матерей, потерявших своих детей, в то время когда вследствие пожара с грохотом рушились дворцы и церкви! Одни бегали по склонам горы и по ущелью, били себя по лицу и призывали своих детей, другие горько плакали. Одни попали в руки иноверцев, других убивали и детей отнимали. Было большое замешательство и шум, и от пожара на расстоянии однодневного пути от смрада и чада у людей захватывало дыхание»⁹.

Эти строки Акоп пишет уже в Новой Джульфе, пригороде Исфагана, куда были переселены жители Джуги на Араксе, через 2 года после ее основания. А еще через 3 года, в последней из известных нам рукописей Акопа Джугаеци, евангелии 1610 года, художник снова вспоминает «тяжелое для нации время, когда персидский царь двинулся на нас, предал огню и мечу нашу родину, и переселил наш народ». Он не без гордости говорит, что «здесь, на новом месте, в городе Шош, который называется Исфаганом, начали снова строиться, построили дома и церкви, еще лучше, чем были раньше и назвали новый город Нор Джуга»¹⁰.

⁷ «Պատմութիւն Առաքել վարդապետի 'Կարիծեցոյն», Վաղարշապատ, 1896, էջ 24—25:

⁸ «Պատմութիւն», էջ 43:

⁹ Евангелие 1607 г., стр. 493.

¹⁰ Рукопись 1610 года № 7639 Матенадарана, стр. 293 и далее.

В памятной записи евангелия, безусловно представляющего вершину творчества мастера, Акоп обнаруживает уже новое отношение к своему творчеству. Если в более ранних рукописях он с подчеркнутой скромностью говорит об их художественных качествах, то в последней рукописи он не скрывает, что очень ценит свою работу. С чисто восточной поэтичностью он называет свое евангелие «бесценным сокровищем, цветущим как рай весной».

На этом обрываются наши сведения об Акопе Джугаеци. Была ли это последняя работа мастера, нам не известно. Мы не знаем также, исчерпывается ли наследие художника теми восьмью рукописями, которые нам известны. Но здесь можно почти с уверенностью сказать, что нет. Акоп Джугаеци—мастер исключительно плодовитый, о чем убедительно свидетельствуют его рукописи, и особенно, последняя из них,— евангелие 1610 года. Нет никакого сомнения, что многие рукописи Акопа погибли. В условиях, когда жизнь сотен тысяч людей прерывалась с такой легкостью, стоит ли говорить о возможности гибели рукописей.

Но мы не уверены также, что эти восемь рукописей составляют все наследие мастера, дошедшее до нас. Мы имели возможность ознакомиться с собранием Матенадарана имени Месропа Маштоца, а также аннотированными каталогами большинства зарубежных коллекций. Есть надежда, что за рубежом еще обнаружатся невыявленные рукописи нашего мастера.

В XVI—XVII веках эмигранты и купцы вывезли много евангелий за пределы Армении. Этим объясняется большое количество поздних армянских рукописей в зарубежных собраниях. И возможно, что в них (особенно в частных коллекциях) имеются и рукописи Акопа Джугаеци, миниатюры которых смогут дополнить наше представление о его творчестве, а памятные записи—дать новые сведения о его биографии.

ՆՈՐ ՆՅՈՒԹԵՐ ՀԱԿՈՒՅ ԶՈՒՂԱՅԵՑՈՒ ԿԵՆՍԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

Ի. Թ. ԳՐԱՄՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

2. Զուգայնցին հայ մանրանկարչության նշանավոր դեմքերից մեկն է, սակայն նրա սակզծագործությունը մինչ այժմ մասնագետների հատուկ ուշադրությանը չի արժանացել: Առ այսօր հայտնի էին այս ծագողի կողմից նկարագարողված երեք ձևագրերը. մեկ հաջողվեց Մաշտոցի անվան Մատենադարանում և հայկական ձևագրերի արտասահմանյան հավաքածուներում ի հայտ բերել այս նկարչի վրձինն պատկանող եւ 5 ձևագրեր, որոնց հիշատակառանները թույլ են ապրիս վեր հանելու նկարչի կենսագրության վերաբերյալ որոշ փաստեր, յույս են սփռում նրա սակզծագործական ուղու վրա և խոսում են իր իսկ սակզծագործության նկատմամբ ունեցած նրա վերաբերմունքի մասին՝ ամենահամեստ զնահատականից մինչև իր արվեստի արժեքի լրիվ գիտակցման դրսևորումը: